

«Особенное наше поколение»

О книгах стихов Константина Ваншенкина
«Ветка» и «Поздние яблоки»

...И свист разящего свинца,
И запах свежего сенца,
И внуков головы
над партами,
И наши бедные сердца,
Израженческие инфарктами...
Это — и все стихотворение,
словно вырванное из контекста,
из какого-то большого сочинения,
из поэмы, что ли. Да нет,
из контекста жизни, судьбы,
завязавшей там, на полях сражений,
а может, чуть-чуть раньше. Здесь одна строчка — может быть, на каждые пять-десять лет, вся остальная жизнь в отточиях — до и после. Личная, индивидуальная жизнь, счастливо завершенная в судьбу поколения. Да, это счастье, при всех невероятных тяготах и лишениях, оказаться вместе со своим поколением, в одном с ним строю. «Семнадцати лет от роду я стал на место, уготованное мне войной, стал по ранжиру, не направляющим, но и не замыкающим, а где-то в середине своего отделения». Это из прозы, из повести «Армейская юность». В стихах об этом будет сказано поэтичнее, образнее:

Особенное наше поколение —
Цветенья предвоенного краса.
Оно вводилось в виде
в неполные полки и корпуса.
Оно тогда осмыслило
едва ли:
Его, пока еще
не полегло, —
Как кровь живую,
армиям вливали.
И это, между прочим,
помогло.

Да, но сколько можно о том давнем, пережитом? Может, «что-то стоит позабыть. Помнить все невыносимо»? Но у памяти свои законы. Из всех чувств, может быть, оно самое трудноуправляемое. У поэта же память — часто основа мировосприятия. Поэтому то, что запечателось на грани жизни и смерти, постоянно

но напоминает о себе, заставляя в сегодняшней обыкновенной житейской, мирной детали видеть отражение трагизма войны:

Приемник выключен —
и сразу
Погас. Но на исходе сил
Уме бесмысленную фразу
Артист почти договорил.

С недоумением и обидой,
Однако ласково вполне.
Так мог бы говорить убитый,
Что и случилось на войне.

Другой бы на эту деталь вообще не обратил внимания, разве что вздохнул бы облегченно: тишина. Иной, может быть, написал бы совсем другое стихотворение. Да, верно говорят, память избирательна. Но в памяти о войне есть и какая-то неизбежность, вечная обреченность. Для определенного же поколения — «одинаковость воспоминаний: песен, фильмов, событий, имен». В автобиографической книге «Наброски к роману» К. Ваншенкин это объяснил так:

«Армия военных лет сформировала наши характеры... это были наши университеты... Первая моя книга «Песня о часовых» (1951) была почти целиком посвящена войне и армии. С тех пор у меня вышло много книг, и нет ни одной, где бы не было стихов о минувшей войне, — может быть, в последние годы они даже появляются чаще».

Вышедшие спустя тридцать лет сборники «Ветка» и «Поздние яблоки» в этом смысле не исключение. «В женском полку», «Офицеры», «Прапорщики», «Баллада о побеге», «Старик солдат», «Были женщины в войну...» и т. д., и т. д. — сами эти названия стихотворений говорят об их тематике.

Есть ли изменения? Пожалуй. Стихи стали сжатее, лаконичнее. Рядом с лирической струной — основной в творчестве К. Ваншенкина — сильнее зазвучали эпические нотки. Так, небольшое стихотворение «По-

середине стол стоит...» словно бы вмещает в себя целую повесть о том, как солдата призвали в армию, дали ему шинель, а она оказалась великовата, потом ранение, смерть, повестка, и вот «так получилось, что ему и жизнь великовата». Исчезли бытовые подробности, прозаические же детали укрупнились, приобрели характер символа, как в поэтическом кино: «посередине стол стоит» — и повестка на нем; «в пустых полях свистит шинель»; «лежит дорога, вся в дыму...».

По-видимому, отдаление во времени от события не означает его стирания в памяти, а лишь переход в иное качество, свойство души. Мы не забыли в йну, но на прежнее впечатление от нее наложилась вся наша дальнейшая жизнь с ее богатым опытом, с пережитыми радостями, с пониманием истинных ценностей бытия. В этой ситуации опыт «военный» и опыт «мирный» взаимодействуют и словно бы дополняют друг друга. Потому иное стихотворение может быть совсем не о войне — все же, мне кажется, оно написано человеком, знающим, что о ней.

У животных —
в безжалостной схватке,
Что породе сулит торжество,
В заведенном от века порядке
Гибнут слабые прежде всего.

Человечество так не сумело,
И во имя бессмертных идей
Смерть принимают
пророчески смело
Наилучшие из людей.

Опыт «особенного поколения» подсказывает нам и то единственно верное, лишенное показухи и конъюнктуры понимание свершенного им для нас, корректируя наше к нему отношение:

Блестит огонь, слепя,
Бьет в душу канонада.
Живите за себя,
Жить за других не надо.

На праздничных пирах,
В благополучной доле,
Зря не тревожьте прах
Погибших в чистом поле.

Давно тот бой затих.
Герой спит в могиле.
Не тщется жить за них —
Они свое свершили.

Вот именно — «они свое свершили». Каждое поколение должно исполнить то, что выпадает на его долю.

Павел УЛЬЯШОВ

Мир России, 1983, 9 дек